

В.Н. Земцов

ЕВРОПА: ИМПЕРСКИЙ ПРОЕКТ НАПОЛЕОНА*

Исследователь, обратившийся к теме, подобной той, которая заявлена, неизбежно сталкивается с искушением. До недавнего времени (полагаем, что до 1990-х годов, когда начались дискуссии, во многом вызванные книгой Стюарта Вульфа «Наполеоновская интеграция Европы»¹⁾) исследователь мог бороться с искушениями двух видов: 1. Искушением, вызванным «бонапартистской легендой», толкавшей к идеализации наполеоновских планов, к сокрушениям по поводу того, что они не были реализованы и что Европа и человечество не обрели единства и не отказались от войн и конфликтов. 2. Искушением, исходящим от противников «наполеоновской легенды», сторонников так называемой черной легенды, уничижительно воспринимавших и воспринимающих действия Наполеона, сводящих эти действия исключительно к «имперскому варианту» европейского объединения. Подобное искушение воспринималось как более оправданное, ибо противопоставляли Европу, обретавшую единство после Второй мировой войны на основе идей Ж. Моне и Р. Шумана, той, которую создавал Наполеон.

На рубеже XX–XXI вв. историки, казалось, нашли путь, благодаря которому можно было бы избежать Сциллы и Харибды. Эта тенденция нашла отражение в обширной литературе последних десятилетий, посвященной наполеоновской интеграции Европы и появившейся вслед за публикацией работы С. Вульфа. Отказавшись от изначальной заданности выводов, многие авторы попытались выяснить степень воздействия и в целом приемлемости политики Наполеона в отношении отдельных

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10041)

фрагментов того, что принято называть «наполеоновской Европой». Эти подходы нашли отражение в публикациях М. Броэrsa², П. Двайера³, М. Роу⁴, Дж. Дэвиса⁵, У. Планерта⁶, Ж.М. Лафон⁷, М. Лайонса⁸, А. Журдан⁹ и многих др. В обобщающем виде попытка представить проблему сделана Т. Ленцем в фундаментальном 4-томном издании «Новая история Первой империи»¹⁰. Наконец, особую роль сыграл международный colloquium «Наполеон и Европа» под его же руководством, который проходил в Париже в 2004 г.¹¹ К сожалению, среди отечественных авторов, обратившихся к этой проблематике, можно назвать только А.О. Чубарьяна с его книгами «Европейская идея в истории» и «Российский европеизм»¹².

Общим результатом этой более чем 20-летней работы стала очевидность того, что модель объединения, предложенная Наполеоном Европе, оказалась не только малопримлема для большинства макрорегионов за пределами Старой Франции, но и для двух («средиземноморского» и «атлантического») из трех (третьим является «континентальный», основой которого можно считать ось Рейн – Сона – Рона) макрорегионов собственно Франции. Вместе с тем было немало и таких регионов, не относящихся к собственно французским, где преобразования Наполеона находили вполне приемлемую почву (Пьемонт, государства Рейнской конфедерации, Швейцария и др.).

Подобные выводы заставили исследователей более реалистично взглянуть и на вопрос о судьбоносности всей наполеоновской эпохи применительно к сфере международных отношений. Наиболее последовательно в этом плане поставил под сомнение «революционность» эпохи Д. Ливен. По его мнению, Наполеон по сути не изменил природы международных отношений XVIII в., не ликвидировал систему баланса европейских сил, которая в 1814–1815 гг., особенно с Венского конгресса, вновь заявила о себе. Мы не можем не согласиться с этим выводом, но все же полагаем, что Вена внесла один важный корректив в модель XVIII в.: возник, правда не очень надолго, вариант «концерта» великих держав, в котором у каждого из исполнителей оказалась своя «музыкальная» партия.

В сущности, общая тенденция в исторических исследованиях наполеоновской эпохи последних лет ведет не только к «выдавливанию» из исторического процесса живых людей, с их порой неординарными решениями и поступками, к «исчезновению» самого Наполеона, именем которого эта эпоха, собственно, и названа, но и сводит все к якобы изначально заданному экономическими и социальным структурами порядку вещей, не оставляя места тому, что мы обычно называем «волей», «гением», наконец, «случайностью».

В 2005 г. в заключении к сборнику статей, изданному на основе материалов международного коллоквиума «Наполеон и Европа», Ж. Тюлар, родоначальник современного, господствующего в изучении эпохи направления, заявил об отсутствии у прагматика Наполеона ярко выраженной европейской политики, выделив у него сразу «три европейских политики». Так, в эпоху Директории Бонапарт являлся сторонником создания европейской конфедерации республик. В период Аустерлица он выдвинул концепцию французской Европы, предполагавшей создание системы вассальных и союзных королевств. Наконец, на пике борьбы с Англией и максимального расцвета континентального блока система вассалитета начала уступать место прямой аннексии. С 1812 г. такой проект «Единой Европы» вызывал все более растущее сопротивление, появилась «нация, враг европейской идеи. Наполеоновская Европа оказывалась обреченной». Сама же легенда о Наполеоне как «европейском спасителе» и стороннике «некоей европейской ассоциации» была создана, по мнению Тюлара, им самим на о-ве Св. Елены¹³. Мы не убеждены в правильности такой трактовки. Тем более что материалы самого сборника, к которому было написано заключение, явно не укладывались в подобное прокрустово ложе.

Действительно, на о-ве Св. Елены Наполеон много и патетически рассуждал о своих нереализованных, но «гениальных» планах европейского объединения¹⁴. Но есть свидетельства и иного рода, причем несмотря на то, что многие свои замыслы французский император зачастую не конкретизировал и не переносил на бумагу.

3 апреля 1808 г. в письме к своему брату Луи, ставшему королем Голландии, Наполеон пишет: «Ради этого мира, которого я хочу достичь всеми возможными средствами, совместимыми с достоинством и могуществом Франции, я готов пожертвовать всем, что составляет национальную честь. Каждый день я все более и более чувствую необходимость этого [мира]; и монархи континента чувствуют то же, что и я...» А целью континентальной системы, по его словам, является стремление добиться того, чтобы Англия признала «необходимость урегулирования наших разногласий»¹⁵. Позже, в 1811 г., в разговоре с Фуше император заявил следующее: «Нам нужно единое европейское законодательство, единая кассационная палата Европы, единая монета, одинаковые меры веса и длины, одни и те же законы»¹⁶. Еще более предметно Наполеон обозначил свои цели в отношении европейской политической конфигурации в инструкциях аббату Д. Прадту, французскому посланнику в Варшаве, которые он продиктовал министру иностранных дел Маре

в апреле 1812 г. «Европа, – говорилось в документе, – состоит из трех больших территориальных частей: французской империи на западе, немецких государств в центре и Российской империи на востоке». Рейнскую конфедерацию император считал только элементом временной системы, которую предполагалось в ближайшее время преобразовать путем «восстановления полной независимости всех федеративных государств Европы». «Императорский дом Австрии, владеющий тремя обширными королевствами, должен стать душой этого восстановления независимости, учитывая географическое положение федеративных государств, но он не должен управлять этими государствами» в силу опасности, возникающей в этом случае для европейского равновесия. В целях нейтрализации такого рода развития событий Наполеон считал необходимым восстановление Польши. «Когда Европа будет организована именно таким образом, то не останется причин для соперничества между Францией и Россией; эти две империи будут иметь одни и те же торговые интересы и будут действовать в соответствии с одними и теми же принципами»¹⁷. Эти инструкции были конкретизированы Наполеоном в Дрездене 28 мая 1812 г.¹⁸

Наконец, в апреле 1815 г., в период «ста дней», в преамбуле к «Дополнительному акту к Конституциям Империи» Наполеон заявил: «Нашей целью было создание великой европейской федеративной системы, которая, как мы верили, будет соответствовать как духу века, так и обещает прогресс цивилизации. Для того чтобы укрепить эту систему, расширить ее и упрочить, мы учредили многообразные внешние институты, в особенности с целью защиты свобод граждан»¹⁹. На самом деле в 1815 г. Наполеон констатировал смысл своих намерений уже только пост-фактум. Вопрос о возможности или невозможности создания подобной европейской федеративной системы был окончательно решен самим фактом провала для Наполеона русской кампании.

В плане постановки вопроса об альтернативных вариантах развития европейской системы отношений в 1812 г. чрезвычайно важно обратиться к теме Великой армии как своеобразному прообразу той Единой Европы, которую пытался создать французский император. Полагаем, что процессы, протекавшие в рамках этого многонационального военного организма, в той или иной степени отразили тенденции, имевшие место в общем движении к созданию единого европейского пространства. Одним из источников, к которому мы обратились в поисках ответов на поставленные вопросы, стали письма чинов Великой армии и послания к ним. Основная масса этих писем отложилась в отечественных

архивохранилищах (Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), Российском военно-историческом архиве (РГВИА), Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), Отделе письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ))²⁰.

Для начала отметим, что, во-первых, французская армия традиционно была многонациональной. В собственно французских частях служило большое количество неприродных французов. Их численность особенно увеличилась после присоединения к «старой» Франции территорий левого берега Рейна, Савойи, Иллирии и т.д. Так, среди писем с родины в Великую армию, хранящихся в 30-м фонде РГАДА, имеется несколько посланий, отправленных в «чисто» французский 57-й линейный полк, написанных по-итальянски. Одно такое письмо на итальянском языке шло в 30-й линейный полк. Во-вторых, большое число частей французской армии представляло собой национальные формирования, появившиеся в результате «округления» империи (части были сформированы из голландцев, тосканцев, ганноверцев и т.д.) или созданные на основе особых договоров с другими странами (как, например, со Швейцарией, поставившей четыре полка линейной пехоты), или же возникшие в связи с иными обстоятельствами (как, например, польские, испанские и португальские формирования).

Язык Великой армии хорошо отразил ее многонациональный состав. Представители каждой нации имели свое прозвище: голландец – «le Godfredoms», поляк – «француз Севера», итальянец, из-за того что начинал свою французскую речь словами «Dis-done» – «le Didons». При этом в нефранцузские части все больше проникало двуязычие. Иногда и французы пользовались языковыми заимствованиями. Ротного весельчака французские солдаты называли не иначе как «loustic», заимствовав немецкое «lustig» (весельчак). И все же мы воздержимся от каких-либо выводов на счет степени языковой интеграции Великой армии в связи с отсутствием специальных исследований.

Конскрипты, оказавшиеся в армии, сразу попадали в сложный и разветвленный механизм их обработки и «абсорбции». О том, как удивительно менялись люди разных наций, попадавшие в состав Великой армии, говорит их переписка. Основная масса писем, отправленных из главных сил армии и хранящихся в российских архивах, относится к периоду сентября – ноября 1812 г. и поэтому уже несет на себе отпечаток распада многонационального военного организма, который создавал Наполеон. Но письма с родины или отправленные из других частей,

находившихся вне России, позволяют составить представление о тех внутренних процессах, которые действовали до осени 1812 г. и которые, по замыслу императора, сплачивали воинов²¹. Бросается в глаза обширнейшая география личных связей солдат Великой армии – от Испании и Северной Италии до глухих мест французской провинции и небольших германских местечек. Письма, как правило, находили своих адресатов (исключая, конечно, ситуацию с большинством тех писем, к которым мы обратились, так как они были перехвачены неприятелем). Так, много посланий, отправленных из Испанской армии от бывших сослуживцев, прибывало вначале в те места, где перед походом в Россию части располагались (в Германию или в Италию). Не найдя адресата, они немедленно, помеченные штемпелем, пересылались дальше, вслед за армией. Адреса не обязательно писались по-французски. Отправитель писал по-итальянски, по-голландски, по-немецки, причем нередко свободным почерком и не всегда предельно точно указывая адрес. Он был уверен, что письмо все равно придет по назначению – ведь в адресе было указано: «Великая армия»! Особенно забавно указывали адрес итальянцы, предпочитая вместо слова «солдат» писать «Militare» или «Carriere militare». И французы, и итальянцы в любом случае неизменно перед чином, в том числе солдатским или сержантским, обязательно указывали «Monsieur» или «Seigneur». Множество писем было написано по-итальянски с французскими словами, на французском – с итальянскими выражениями; немецкий высокопоставленный офицер мог написать письмо по-французски с приписками по-итальянски. Воины разных национальных культур, постоянно соприкасаясь друг с другом, меняя места своей службы, завязывая многочисленные «узелки» между собой, неизбежно учились понимать друг друга.

Тем не менее позитивный вектор во взаимоотношениях солдат многочисленной армии не мог заслонить того напряжения, которое возрастало по мере подготовки к войне с Россией и с началом военных действий. Принятый в наполеоновской армии механизм адаптации иностранцев был нередко груб и прямолинеен. Скажем, маршал Л.Н. Даву, беспокоившийся о духе молодых солдат, «разговаривающих по-немецки», смог порекомендовать генералу Л. Фриану только одно средство: приказать офицерам и унтер-офицерам объяснить, что ждет солдат в случае их дезертирства²². Во-вторых, все народы, представленные в Великой армии, имели свои неискоренимые национальные особенности, нередко сопротивлявшиеся перевариванию их в чреве военного организма. Эти особенности были многообразны – от языка

до религиозных воззрений и темперамента. Первое, что бросалось в глаза, были языковые барьеры. Несмотря на широкое распространение французского языка, он не мог быть быстро освоено многотысячными массами рядового и даже офицерского состава армий многих европейских стран. Там же, где французские военачальники стремились заигрывать с иностранцами, используя их язык, выходило не всегда убедительно. Многие вспоминали, как во время Бородинского сражения командующий резервной кавалерией И. Мюрат кричал вюртембержцам по-немецки, чтобы они стреляли. У него получалось то ли «Scheuss», то ли «Schüß», и это вызывало смех. Но когда он, коверкая слова, начал хвалить немецких стрелков, говоря «мерзкий егерь», это уже воспринималось только с раздражением²³. В-третьих, не могла не проявиться глубокая предубежденность одних народов по отношению к другим. Так, французы, убежденные в своем политическом и культурном превосходстве, с явным пренебрежением относились к бельгийцам, голландцам, немцам, итальянцам, испанцам, которых почитали людьми отсталыми и суеверными. Даже поляки, наиболее верные союзники, воспринимались большинством французских солдат как люди убогие. Этому во многом способствовала память о кампании 1806–1807 гг., проходившей на территориях с польским населением. Генерал-адъютант Ж. Рапп вспоминал, что для французского солдата «весь польский язык сводился к четырем словам: Хлеба? Нема. Воды? Зараз... В этих словах для них заключалась вся Польша»²⁴.

Среди самих иностранных солдат существовала сильная предубежденность друг против друга. Это становится очевидным, когда видишь, как иностранные солдаты наполеоновской армии подчеркивали в своих дневниках, письмах и мемуарах национальную принадлежность тех, кто совершил неблагоприятный поступок. Скажем, баварской службы обер-лейтенант Ф. Фюртенбах с большим удовольствием рассказывал, как в Докшицах, недалеко от местечка Глубокое (между Вильно и Витебском), семь итальянцев воровали с полковой пекарни муку и ею торговали. Честный баварец Фюртенбах прогнал их и поручил хлебопечение местным евреям²⁵. Постоянно возникавшие напряженные ситуации, нервозность обстановки способствовали тому, что даже глубоко спрятанное чувство национальной предубежденности выплескивалось наружу. 23 июля 1812 г. командир 4-го армейского корпуса вице-король Италии Э. Богарне, которого итальянские солдаты искренне любили и уважали, во время разноса офицеров неожиданно бросил оскорбительные слова в адрес итальянцев как народа. Лейтенант Ц. Ложье

немедленно отметил, какое ошеломляющее воздействие это оказало на психологическое состояние итальянцев 4-го армейского корпуса²⁶.

Дух иностранных солдат начал заметно падать только при столкновении с тяготами военных действий в России. Огромные физические нагрузки во время маршей по бескрайним пространствам, развал системы снабжения, все более частые проявления национального эгоизма со стороны французского командования и рядовых французских солдат угнетающе воздействовали на душевное состояние «иностранных». Усиливался и еще один канал негативного воздействия на моральное состояние иностранных солдат – через письма с родины. До поры до времени мощные механизмы Великой армии демонстрировали удивительную способность нейтрализации среди иностранных солдат тех антифранцузских настроений, которые были широко распространены в вассальных и союзных государствах. Но с началом военных действий в России эти механизмы стали ослабевать.

Интереснейшую картину взаимодействия настроений и слухов в Вестфальском королевстве с реальными событиями, происходившими летом и осенью 1812 г. в России, можно увидеть, обратившись к публикациям К.И. Раткевич и С.Н. Искюля, работавших с документами знаменитого «Вестфальского архива», хранящегося в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Донесения различных чинов вестфальской полиции в 1812 г. свидетельствовали о том, что многие антифранцузски настроенные подданные Вестфальского королевства стали выражать надежду на провал русского похода. Если еще в 1811 г. они могли рассчитывать, что поднимется Пруссия, то после заключения ею союзного договора с Францией все надежды оказались связанными с поражением Наполеона в России. Генеральный комиссар тайной полиции департамента Верра Вольф доносил, что население злорадно предрекало гибель Великой армии, «после чего все рухнет»²⁷. Население упорно стало повторять баснословные цифры размеров войска, которое Россия будто бы готова выставить против Наполеона. Кое-где народная молва говорила о том, что руководители восстаний 1809 г. поступили на русскую службу и что среди них есть даже майор Шилль, о смерти которого стало известно три года тому назад! Еще не начались военные действия, а в мае 1812 г., согласно слухам, прусский генерал-лейтенант Г.Л. Блюхер уже перешел к русским с целым кавалерийским корпусом²⁸, а чуть позже, в начале июня, пополз слух, что русские намерены завлечь Великую армию вглубь страны и уже опустошили местность, по которой пойдет Наполеон. Самое поразительное, что слухи о генеральном сражении родились еще в феврале 1812 г.!

В департаменте Верра тогда стали упорно говорить о крупных сражениях, будто бы имевших место где-то на севере или на востоке и проигранных французами²⁹. Накануне и после начала военных действий в вестфальские города, местечки и деревни начали приходить многочисленные письма солдат, чаще всего недавно мобилизованных. Они вполне откровенно, нередко даже сгущая краски, надеясь на присылку из дома нескольких крейцеров или белья, описывали тяготы похода. Каждое такое письмо ходило по рукам. Его читали в харчевнях, на постоялых дворах, в гостиницах. «Теперь милые родители, – писал домой гренадер 3-го вестфальского линейного полка Фигнер, – расскажу как плохо справил я пасху и троицу, наверное они были лучшими для самого бедного человека на земле, чем для меня и остальных: на троицу нам дали так мало еды, что хлеба мы получили едва 1 фунт на 3 дня. <...> Так как мы не получали ни мяса ни овощей, то мы, 30 человек, с голода убили собаку и потом собирали крапиву и сварили щи и потом натопили собачьего сала, а мясо этой большой собаки ели»³⁰. «Мне сейчас очень тяжело, я так давно ничего не получал (жалованья. – В.З.). Утощения тоже нет, еды мало, так что приходится пропадать», – писал солдат Рункель 14 июля, уже на русской территории³¹. «Теперь мы должны учиться терпеть голод и жажду. Наши лица совершенно изменились, стали коричневыми как каштаны, а усы меня совершенно изменили»³², – написал он же через два дня.

Как ни странно, но, несмотря на всю изощренность контроля над настроениями, военная цензура Великой армии оказалась не в состоянии перехватывать множество таких посланий. Наша собственная продолжительная работа с письмами 1812 г., отправленными как в армию, так и из нее, подтверждает, что в личных письмах, посланных даже по армейской почте, очень часто содержалась такая информация, передавать которую таким образом в ХХ в. не рискнул бы даже самый наивный человек. Кроме того, помимо почты, существовали и иные способы переправлять весточки на родину или получать письма из дома, скажем с оказией, что постоянно и практиковалось.

Письма солдат как бы подтверждали те фантастические слухи, которые уже давно циркулировали на родине. В свою очередь, письма, получаемые из дома и наполненные сетованиями родных по поводу того, что происходит в России, еще больше угнетали солдат и заражали их теми настроениями, которые уже давно были распространены на родине.

В первых числах сентября, когда сообщения о Бородинском сражении, происходившем с 5 по 7 сентября, еще просто не могли дойти до Вестфалии, в одной харчевне в Роттенбурге заезжий адвокат рассказывал

о том, что «недавно происходил трехдневный бой, и армия Наполеона потерпела решительное поражение»³³. К середине сентября уже стали говорить о том, что Наполеон тяжело ранен, а Мюрат убит. Когда наконец пришло официальное сообщение о Бородинском сражении как о решающей победе Великой армии, оно встретило бойкот и полное непонимание жителей Вестфалии³⁴. Многие этому просто не верили!

В этой удивительной механике слухов, когда человек слышал то, что хотел услышать, и кроется объяснение своеобразия воздействия событий 1812 г. в России на умонастроения в вассальных и союзных Наполеону государствах. Косвенное и долговременное воздействие этих событий оказалось более важным, чем их непосредственные результаты. То же было характерно и в плане морального их воздействия на нефранцузских солдат Великой армии. Общая атмосфера на родине, все более сочувственная к русским и все менее благоприятная для французов, спустя некоторое время после Бородина и Московского пожара начинала сказываться и на солдатах, нейтрализуя факторы межнационального единства Великой армии и вызывая внутренний распад ее интернационального организма. Уже упоминавшийся генеральный комиссар департамента Верра в своем отчете от 5 ноября 1812 г. в Кассель нарисовал любопытную картину, которую застал в одном из клубов. В зале вокруг стола столпились завсегдатаи клуба и с жадным вниманием слушали, как комендант города читал, смакуя каждое слово, письмо из армии от какого-то вестфальского генерала. В письме генерал рассказывал о больших потерях французов под Бородином и восхищался мужеством русских. Участники сцены были представителями влиятельных кругов³⁵.

В первой половине октября 1812 г., еще во время «московского сидения», тематика писем из Великой армии заметно меняется. Адресанты все чаще говорят о наступлении холодов (в 11,97% писем в период с 1 октября по 18/19 октября 1812 г.), строки о ранах и болезнях (в 11,34% писем того же периода) также стали занимать большое место. С началом отступления тема усталости в письмах заметно усиливается (в 24,65% писем с 20 октября по 30 ноября 1812 г.). Наконец, все чаще стали писать о холодах. «Этот климат более опасен, чем русские»³⁶, – восклицал генерал Э. Бараге д'Илье 4 ноября. Чины многонациональной Великой армии все реже находили между собой общий язык. В 1813 г., как следствие поражения в России, проект Единой Европы, задуманный Наполеоном, окончательно рухнул.

В качестве примера нами был взят только один аспект многогранного, противоречивого и в какой-то мере амбивалентного процесса

реализации идеи европейского единства. Для россиян в этом плане ключевым всегда был и остается вопрос о месте и роли в этом процессе России. Можно определенно заявить, что наполеоновский проект не отводил нашему отечеству заметной и консолидирующей роли. Более того, французский император исходил из идеи выдавливания России из европейской системы, изоляции ее путем создания буферного государства или государств, нейтрализации российских интересов на Балканах путем поощрения к этому Австрии и Турции, а также экономического ослабления через возвращение ее в лоно континентальной блокады³⁷. В еще большей степени изоляции от дел Континентальной Европы должна была подвергнуться Британия, с последующем нанесением удара по ее колониальной империи, причем, с участием России.

В целом идиллический вариант европейского единства под скипетром французского императора явно не соотносился с реальными обстоятельствами. Однако данный факт совсем не исключает возможности того, что подобный вариант европейского объединения был изначально провальным. Многое зависело от результатов русского похода, а они, в свою очередь, оказались в зависимости от целого сонма объективных и субъективных обстоятельств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Woolf S.* Napoleon's Integration of Europe. L.: Routledge, 1991.

² *Broers M.* Napoleonic Imperialism and the Savoyard Monarchy, 1773–1821: State Building in Piedmont. Lampeter: Edwin Mellen Pr, 1997. P. 313–350; *Idem.* The Napoleonic Empire in Italy, 1796–1814: Cultural Imperialism in European Context? Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005; *Idem.* The First Napoleonic Empire, 1799–1815 // *Nationalizing Empires* / Ed. by S. Berger, A. Miller. Budapest; N.Y.: Central European Univ. Press, 2015; *Броэрс М.* Цицерон и Аристотель: культурный империализм и наполеоновская география империи // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография: Доклады Междунар. конф. «Россия и наполеоновские войны» (Межотне, Латвия): Сб. материалов. М.: Кучково поле, 2014. Вып. XII. С. 270–287.

³ *Napoleon and Europe* / Ed. by P. Dwyer. L.: Longman, 2001.

⁴ *Rowe M.* Reich to State: the Rhineland in the Revolutionary Age, 1780–1830. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003; *Idem.* Napoleon and state formation in Central Europe // *Napoleon and Europe*. P. 275–285.

⁵ *Davis J.* Napoleon and Naples: Southern Italy and the European Revolutions, 1780–1860. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.

⁶ *Planert U.* Resistance to Napoleonic Reforms in the Grand Duchy of Berg, the Kingdom of Westphalia and the South German States // *The Napoleonic Empire and the New European Political Culture*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. S. 148–159; *Idem.* Der Mythos von Befreiungskrieg: Frankreichs Kriege und der deutsche Süden: Alltag, Wahrnehmung, Deutung, 1792–1841. Paderborn: Schöningh, 2007; *Планерт У.* Германский национализм и опыт регионов в эпоху Наполеона // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. С. 312–328.

⁷ *Lafon J.M.* L'Adalouise et Napoléon: Contre-insurrection: Collaboration et Résistances dans le Midi de l'Espagne, 1808–1812. P.: Nouveau monde, 2007.

⁸ *Lyons M.* Napoleon Bonaparte and the Legacy of the French Revolution. L.: Macmillan, 1994.

⁹ *Jourdan A.* L'Empire de Napoléon. P.: Aubier, 2000.

¹⁰ *Lenz T.* Nouvelle histoire du Premier Empire. P.: Fayard, 2004–2010. Т. 1–4. См. также: *Idem.* Napoléon diplomate. P.: CNRS Éditions, 2012.

¹¹ Napoléon et l'Europe: Actes du colloque organize par la direction des Archives du ministère des Affaires étrangères et la Fondation Napoléon 18 et 19 novembre 2004 / Ed. par T. Lenz. P.: Fayard, 2005.

¹² *Чубарьян А.О.* Европейская идея в истории: Проблемы войны и мира. М.: Междунар. отношения, 1987; *Он же.* Российский европеизм. М.: Олма-пресс, 2005.

¹³ Napoléon et l'Europe. P. 429.

¹⁴ См., напр.: [*Las Cases E.*] Mémorial de Sainte-Hélène. P.: Dépôt du Mémorial; Bossange; Béchet; Lecointe et Durey; Roret, 1823–1824. Т. 2–7 (Записи от 29–30.11.1815 г., 03.03, 10–12.03, 27.04, 20.07, 24.09, 24.10, 25.10, 11.11, 14.11.1816 г.). См. также записи Б.Э. О'Меара, Ш.Т. Монтолона и др.

¹⁵ Наполеон – Луи Бонапарту. Замок Марак, 3 апреля 1818 г. // *Correspondance de Napoléon Ier*. P. : Imprimerie Impériale, 1858. Т. 16. № 13718. P. 472.

¹⁶ Цит. по: *Молок А.И.* Империя Наполеона накануне войны 1812 г. // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1938. Т. 4. № 19. Л., 1938. С. 60.

¹⁷ [*Las Cases E.*] Op. cit. Т. 7. P. 13–22.

¹⁸ *Correspondance de Napoléon Ier*. Т. 23. № 18734. P. 441–447.

¹⁹ *Le Moniteur universel*. 1815. 23 avril. № 113.

²⁰ РГАДА. Ф. 30. Оп. 1. Д. 239–243, 245–254, 260–264, 266–268, 284. Ч. 1–2; АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1842; РГВИА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 92; Ф. 846. Оп. 16. Д. 3605. Ч. 1–2; ОР РГБ. Ф. 41. К. 165. Ед. 25; ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 291. Часть этих писем публиковалась. Наиболее крупные публикации: *Затворницкий Н.* К истории 1812 года // Рус. старина. 1907. № 9. С. 459–478; № 11. С. 305–318; № 12. С. 563–575; *Петерс Т.П.* С полей сражений 1812–1815 гг.: Трофейные письма маршалов, генералов, чинов Великой армии... М.: Рус. мир, 2012;

Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / Publ. par S.E.M. Goriainow. P.: La Sabretache, 1913; [Du Casse A.] Mémoires et correspondance politique et militaire du Prince Eugène. P.: Michel Lévy, 1858 (1860). Т. 7–8; Peyrusse G.-J. Mémorial et archives, 1809–1815. Carcassone : Labau, 1869; D'Eckmühl A.-L. (de Blocqueville). Le marechal Davout, prince D'Eckmühl. P. : Perrin , 1880. Т. 3; Chuquet A. Lettres de 1812. P.: Fontemoing, 1911. Sér. 1; *Ibid.* 1812: Notes et documents. P.: Fontemoing, 1912. Sér. 1–3; Ternaux-Compans H. Le général Compans. P.: Plon, 1912.

²¹ Вместе с опубликованными письмами нами привлечено 207 посланий, отправленных в Великую армию. Почти все они имеют личный характер или несут информацию личного свойства.

²² Отечественная война 1812 года: Материалы Воен.-учен. архива Главного штаба. Отд. 2: Бумаги, отбитые у противника. СПб.: Изд-во Воен.-учен. комитета Гл. штаба, 1903. Т. 1. С. 87–90.

²³ Suckow K., von. D'Iéna à Moscou. P.: Plon, 1901. P. 184–185; Smith D. Borodino. Morton-in-Marsh; Gloucestershire: The Windrush Press, 1998. P. 79.

²⁴ Rapp J. Mémoires. P. : Henry Colburn, 1823. P. 106–107.

²⁵ Фюртенбах Ф., фон. Из воспоминаний баварской службы обер-лейтенанта Фюртенбаха о походе в Россию в 1812 г. // Воен.-ист. сб. 1913. № 1. С. 184.

²⁶ Ложье Ц. Дневник офицера Великой армии в 1812 году. М.: Задруга, 1912. С. 36–37.

²⁷ Раткевич К. Война 1812 года и общественное мнение в Вестфальском королевстве // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Л., 1938. Т. 4. № 19. С. 125.

²⁸ Там же. С. 126.

²⁹ Там же. С. 127.

³⁰ Искюль С.Н. Письма вестфальских солдат из России на родину в 1812 г. // Освободительное движение в России: Межвуз. науч. сб. Саратов: Саратов. ун-т, 1978. Вып. 7. С. 104–105.

³¹ Там же. С. 106.

³² Там же. С. 106–107.

³³ Раткевич К. Указ. соч. С. 128.

³⁴ Там же. С. 129.

³⁵ Там же. С. 131.

³⁶ Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812. P. 344–445.

³⁷ Представления Наполеона о будущем месте России в единой европейской системе отразились в ряде документов. См., напр.: Рапорт министра иностранных дел Франции Ж.Б.Н. Шампаньи Наполеону 16 марта 1810 // Рус. старина. 1897. Кн. 3. С. 421–455; Записка министра иностранных дел Франции Ю.Б. Маре Наполеону, 3 апреля 1812 г. // Archives du Ministère des affaires étrangères. Sér.

Correspondance politique. Sous-sér. Russie. Vol. 154. Folio. 244–248; [Проект Европейской континентальной конфедерации] // РГАДА. Ф. 30. Д. 268. Л. 41–55.